

*Эта книга посвящается славному парню
Джеку Армстронгу*

ПРОЛОГ

Беби, даже если вечно
будешь помнить обо мне —
бледные чернила крепче памяти.

*Китайская пословица,
переложенная в стихотворную форму
для песни «Бледные чернила»
группы «Джимми Экс бэнд»
(автор — Джеймс Ксавье Фармингтон)*

Скотт Дункан сидел напротив киллера.

Тишина мрачно-серой комнаты без окон напоминала неловкую тягучую паузу, какая бывает при первых музыкальных аккордах, когда на танцпол не вышла ни одна пара. Помедлив, Скотт непринужденно кивнул. Киллер, одетый в оранжевую тюремную робу и штаны, молча смотрел на него. Скотт сцепил пальцы и пристроил руки на край металлического стола. Киллер — по делам он проходил как Монте Скенлон, но это никак не могло быть его настоящим именем — сделал бы то же самое, не будь его запястья скованы наручниками.

«Зачем я здесь?» — в который раз спросил себя Скотт.

Он специализировался на делах о политической коррупции — в частности, на махинациях с чересчур активным коттеджным строительством в родном Нью-Джерси, но три часа назад Монте Скенлон, настоящий мясник и палач, нарушил долгое молчание и выдвинул требование.

Он потребовал личной встречи с помощником федерального прокурора Скоттом Дунканом.

Это было странно по многим причинам. Во-первых, киллеру не положено что-либо требовать. Во-вторых, Скотт Дункан никогда не слышал о Монте Скенлоне.

Первым нарушил молчание Дункан:

— Вы просили о встрече со мной?

— Да.

Дункан кивнул, ожидая продолжения, но Монте Скенлон молчал.

— Так чем могу быть полезен?

Монте Скенлон пристально посмотрел на него:

— Вы знаете, за что я здесь?

Скотт, не удержавшись, обвел глазами помещение. Кроме него и Скенлона, здесь были еще четверо: с непринужденностью Синатры у фонарного столба к дальней стене прислонилась федеральный прокурор Линда Морган; позади заключенного двумя башнями возвышались неразличимые на вид шкафоподобные тюремные охранники — бицепсы что древесный ствол, грудные мышцы что та кираса. Скотт немного знал этих самоуверенных ребят. Свою работу они выполняли с безмятежностью инструкторов по йоге, но сегодня рядом с этим надежно закованным в наручники заключенным они едва сдерживались. Довершал компанию адвокат Скенлона, хорек, от которого разило дешевым одеколоном. Все выжидающе смотрели на Дункана.

— За убийства, — ответил Скотт. — За многочисленные убийства.

— Я был наемным убийцей. Я был... — Скенлон сделал паузу, — профессиональным киллером.

— Но ваше дело веду не я.

— Верно.

Утро у Дункана началось вполне спокойно — с оформления судебной повестки некоему высокопоставленному чиновнику, отвечающему за утилизацию отходов, — тот «подмазал» мэра небольшого городка. Обычная работа, ежедневная прополка в Садовом штате¹. Это было всего час или

¹ *Садовый штат* — неофициальное название штата Нью-Джерси. — *Здесь и далее примеч. перев.*

полтора назад. А теперь он сидел за привинченным к полу столом и вынужден был разговаривать с преступником, отправившим на тот свет, по приблизительной оценке Линды Морган, не менее сотни жертв.

— Так почему вы просили о встрече?

Более всего Скенлон походил на постаревшего плейбоя эпохи пятидесятых — ему очень подошло бы крутить романы с сестрами Габор. Маленький, высохший, с залезшими назад седеющими волосами и пожелтевшими от никотина зубами. Его кожа словно приобрела оттенок пергамента — результат воздействия полуденного солнца и пребывания в злочной темноте ночных клубов. Никто из присутствующих не знал настоящего имени преступника. При аресте у него изъяли паспорт на имя Монте Скенлона, аргентинца, пятидесяти одного года. Возраст вроде бы соответствовал его виду, но и только. Отпечатков в базе данных NCIC — Национального центра информации о преступлениях — не оказалось. Программа идентификации по чертам лица выдала большой красивый ноль.

— Разговор будет один на один.

— Ваше дело веду не я, — терпеливо повторил Скотт. — Здесь присутствует специально назначенный федеральный прокурор.

— Ее это не касается.

— А меня касается?

Скенлон подался вперед.

— Я вам скажу кое-что, — многообещающе посулил он. — И это перевернет всю вашу жизнь.

Скотту захотелось покрутить пальцами перед физиономией этого самого Скенлона и протянуть: «О-о-о...» Он привык к повадкам отбывающих заключение, к их змеиным маневрам, стремлению взять верх, отчаянным поискам спасения, уверенности в огромной собственной значимости. Линда Морган, словно прочитав мысли Дункана, бросила на него предостерегающий взгляд. Монте Скенлон, вспомнил Скотт, тридцать лет работал на разные кланы, и все в отделе по борьбе с рэкетом и коррупцией, словно голодные у витрины буфета, исходили слюной от желания склонить его к сотрудничеству.

Однако с момента ареста Скенлон упорно хранил молчание, вплоть до сегодняшнего утра.

Поэтому Скотт Дункан и оказался здесь.

— Ваша начальница, — произнес Скенлон, дернув подбородком в сторону Линды Морган, — всерьез надеется, что я заговорю.

— А конец все равно один — инъекция, — подала голос Морган, сохраняя невозмутимость. — Что бы ты ни сказал и ни сделал, это ничего не изменит.

Скенлон улыбнулся:

— Бросьте. Того, что я заговорю, вы боитесь куда больше, чем я — смерти.

— Ага, еще один крутой парень, который ничего не боится. — Линда наконец отклеилась от стены. — Знаешь что, Монте? Крутые все как один обсирают штаны, когда их волокут на каталку.

У Скотта вновь возникло желание покрутить пальцами, на сей раз перед носом Линды. Скенлон по-прежнему улыбался, не сводя с Дункана глаз. Скотту не нравился новый знакомый. Глаза у Скенлона были черные, блестящие и безжалостные, но Дункану начало казаться, что, помимо обычной для преступника такого масштаба пустоты, он разглядел в них нечто неожиданное. В них читалась мольба. Скотт не мог отвернуться от этих глаз. В них угадывалось раскаяние.

И даже угрызения совести.

Скотт посмотрел на Линду и кивнул. Она нахмурилась, и весь ее вид не обещал Скенлону ничего хорошего, но тот и бровью не повел. Тронув за плечо здорового стража, Морган подала знак обоим выйти. Поднимаясь со стула, адвокат Скенлона впервые открыл рот:

— Не вздумайте заносить в протокол то, что он скажет!

— Иди с ними, — бросил ему Скенлон. — И проследи, чтобы нас не подслушивали.

Адвокат подхватил кейс и направился к двери за Линдой Морган. Дункан и Скенлон остались одни. Это в фильмах киллеры всемогущи; в реальной жизни — нет. В федеральных тюрьмах строгого режима они не освобождаются от наручников. Накачанные охранники, как знал Скотт, стоят за хитрым

зеркалом, прозрачным с другой стороны. Интерком отключен, чтобы не раздражать Скенлона, но эти люди видят все.

Скотт чуть повел плечом, словно спрашивая — ну, что тебе еще?

— Я вам не какой-нибудь там мокрушник.

— Угу.

— У меня свой кодекс.

Скотт молча ждал.

— Я убиваю только мужчин.

— Надо же, — восхитился Дункан. — Да вам не чуждо благородство!

Скенлон пропустил сарказм мимо ушей.

— Это мое первое правило. Я убиваю только мужчин. Женщин не трогаю.

— А второе ваше правило — подождать с поцелуями до третьего свидания?

— Да вы меня что, за изверга держите?

Скотт пожал плечами — ответ был очевиден.

— И мой кодекс для вас просто тьфу?

— Какой, к черту, кодекс? Вы убивали людей десятками, а так называемый кодекс придумали ради создания иллюзии собственной человечности.

Скенлон как будто задумался.

— Возможно, — великодушно признал он. — Но мужчины, которых я убивал, были подонками. Меня нанимали подонки для устранения подонков. Я лишь наемный пистолет.

— Пистолет? — переспросил Скотт.

— Да.

— Так ведь пистолету все равно, кого убивать, Монте, — мужчин, женщин, старух, детей. Пистолет палит без разбору.

Скенлон ухмыльнулся:

— Touché¹.

— Вы вызвали меня сюда не на урок этики. Чего вы хотели? — потребовал ответа Скотт.

— Вы же в разводе, верно?

Скотт не ответил.

¹ Здесь: ваша правда (фр.).

— Детей нет, расстались по-дружески, в хороших отношениях со своей бывшей?

— Что вам нужно?

— Объяснить.

— Что объяснить?

Скенлон потупился, но только на мгновение.

— То, что я вам сделал.

— Я вас даже не знаю.

— Зато я знаю вас. И давно.

Скотт замолчал. Тишина затопила комнату. Он покосился на зеркало. Линда Морган стоит за стеклом, гадая, о чем они говорят. Потом потребует отчета. Скотт прикинул, нет ли в комнате «жучков». Может, и есть. В любом случае лучше выслушать Скенлона.

— Вас зовут Скотт Дункан, вам тридцать девять лет, вы закончили юридический университет в штате Колумбия. Частной практикой зарабатывали бы намного больше, но вам это неинтересно. Уже полгода служите в офисе федерального прокурора. Ваша матушка и отец в прошлом году переехали в Майами, еще у вас была сестра. Погибла, учась в колледже.

Скотт заерзал на стуле. Скенлон изучающе смотрел на него.

— Вы закончили?

— Знаете, как делается мой бизнес?

Меняет тему. Скотт выждал пару секунд. Скенлон положит ему мозги, пытаясь вывести из равновесия или зачем-то еще. Поддаваться Скотт не собирался. Ничего из сказанного о его семье не было секретом — подобные сведения можно собрать с помощью нескольких нажатий нужных клавиш и пары телефонных звонков.

— Может, введете в курс дела?

— Ну, вот представим, — заговорил Скенлон, — что вы хотите кого-нибудь замочить.

— Так.

— Вы звякаете другу, у которого есть знакомый, чей дружка знает человека, который имеет выход на меня.

— То есть вас знает только последний в цепочке?

— Типа того. У меня всего один посредник, но даже с ним я сама осторожность — никаких личных встреч, имена ко-

довые, платежи всегда идут на офшорные счета. Я открывал новый счет для каждой, скажем так, транзакции и закрывал сразу после поступления и обналичивания средств. Вы меня слушаете?

— Несложная схема.

— Совсем несложная. Но, видите ли, сейчас люди взяли привычку переписываться по электронной почте. Я открывал временный счет на «Hotmail» или «Yahoo!» под вымышленным именем. Ничего нельзя отследить, а даже если можно, даже если вы выясните, кто перевел деньги, что вам это даст? Все сообщения приходят на адрес библиотек и всяких общественных учреждений и там же прочитываются. Самая надежная схема.

Скотт чуть не сказал, что сия надежная схема в конце концов привела Скенлона в тюрьму, но решил не обострять ситуацию.

— И каким же образом это связано со мной?

— Я к этому и веду. — Скотт видел: Скенлон действительно готовится сказать что-то важное. — В прежние времена — когда говорю «прежние времена», то имею в виду восемь-десять лет назад — заказы делались в основном по таксофону. Я ни разу не видел написанного имени, мне называли человека по телефону. — Скенлон остановился, упиваясь тем, что полностью завладел вниманием собеседника. Тон его голоса сделался мягче, менее деловым. — Вот в чем штука, Скотт. Все делалось по телефону. Я слышал имя, но не видел, как оно пишется. — Он выжидательно смотрел на Дункана. Тот, не понимая, кивнул. — Вам понятно, почему я особо подчеркиваю, что заказы шли по телефону?

— Нет.

— Потому что даже такой человек, как я, профессионал с кодексом, по телефону мог и не расслышать.

Скотт некоторое время обдумывал эти слова.

— Все равно не понимаю.

— Я никогда не убивал женщин. Это мое правило номер один.

— Вы уже говорили.

— Если вам по телефону говорят, что нужно шлепнуть человечка по имени Билли Смит, вы, естественно, решите, что

Билли — мужчина. Но ведь иногда такое имя бывает и у женщин. Ну что, понятнее?

Скотт замер. Скенлон это заметил. На его лице появилась улыбка, голос стал еще мягче:

— Я тут упомянул о вашей сестре, Скотт...

Тот не ответил.

— Ее звали Джери, верно?

Молчание.

— Теперь вы поняли?.. Джери — одно из таких имен. Когда по телефону слышишь «Джери», естественно, думаешь, что речь идет о каком-нибудь мужчине. И вот пятнадцать лет назад мне позвонили. Тот самый посредник.

Скотта пробила дрожь.

— Мне дали адрес и сообщили, в какое время Джери, — Скенлон дважды согнул пальцы, изображая кавычки, — будет дома.

Собственный голос донесся до Скотта откуда-то издалека:

— Но ведь это был несчастный случай...

— Большинство поджогов сходят за несчастные случаи, если работал профессионал.

— Я вам не верю, — отрезал Скотт, глядя Скенлону в глаза, стараясь не показать, что его мир пошатнулся.

Перед глазами закружились заразительная улыбка Джери, копна непокорных волос, скобки на зубах, забавная мина — она любила поддразнивать брата, когда вся семья собиралась за большим столом на какой-нибудь праздник. Он помнил ее первого настоящего бойфренда, обормота по имени Брэд, и как ей не с кем было идти на школьный выпускной, и полную энтузиазма речь, когда она агитировала за себя на выборах канцелярии студенческого совета, и ее первую рок-группу, которая оказалась чудовищной, и письмо о зачислении в колледж...

Скотт почувствовал, что глаза заволокло слезами.

— Ей же был двадцать один год!

Ответа не последовало.

— Почему?!

— Об этом я никогда не спрашивал. Я лишь наемный писатель...

— Я не о том. — Дункан поднял на него глаза. — Зачем вы мне все это рассказали?

Скенлон рассматривал свое отражение в огромном, на пол-стены, зеркале.

— Наверное, вы правы, — произнес он очень тихо.

— О чем это вы?

— Может, после всего, что я сделал, мне требуется иллюзия собственной человечности. — Он снова повернулся к Скотту.

Три месяца спустя

ГЛАВА 1

Разрывы бывают резкие — с бурными слезами, с острыми лезвиями, раздирающими плоть. Знакомая, привычная жизнь, прокрутившись сквозь мясорубку обстоятельств, становится совсем другой, разлезается лапшой, расплзается, как кишки из вспоротого брюха. А есть моменты, когда жизнь рушится в одночасье. Нитки ровных швов вдруг натягиваются до предела, стежки один за другим рвутся, причем изменения подкрадываются исподволь, незаметно.

Для Грейс Лоусон все началось в «Фотомате».

У самого входа в фотоателье она услышала женский голос, показавшийся ей смутно знакомым:

— Грейс, ну когда же вы купите себе цифровик?

Грейс обернулась:

— Я не в ладах с техникой.

— Ой, бросьте! Цифровые технологии можно освоить в два счета. — Женщина дважды прищелкнула пальцами — видимо, на случай, если Грейс не умеет считать. — Цифровые фотки гора-а-аздо удобнее пленочных. Не нравится снимок — стерли, и дальше снимайте. Как файлы в компьютере. Вот на рождественскую открытку Барри щелкал детей миллион раз — то Блейк моргнет, то Кайл не туда посмотрит, но уж среди такого-то количества наверняка отыщется один приличный!

Грейс кивала, пытаясь вспомнить, как зовут собеседницу. Кажется, ее дочь Блейк учится в одном классе с ее сынишкой Максом. Или в прошлом году в детский сад вместе ходили, где тут уследишь, время так летит... Улыбка словно примерзла к лицу Грейс. Собеседница была довольно приятной, но совершенно заурядной. Уже не в первый раз Грейс посетила неприятная мысль, что она тоже ничем не отличается от остальных, а ее яркая индивидуальность растворилась в болотном однообразии пригородного существования.

От этой мысли ей стало неуютно.

Женщина тем временем продолжала расписывать чудеса эры цифровых технологий. От улыбки у Грейс свело мышцы лица. Она взглянула на часы, надеясь, что технически подкованная мамаша поймет намек. Без пятнадцати три. Уже пора ехать за Максом в школу. У Эммы тренировка по плаванию, но сегодня юных пловчих повезет другая мамочка. «Погребем до бассейна», как чересчур общительная дама, хихикнув, сказала Грейс. Страшно смешно.

— Нам нужно держаться друг друга, — заключила дама. — А вашему Джеку общаться с моим Барри. Они прекрасно поладят.

— Безусловно.

Воспользовавшись паузой, Грейс помахала ей на прощание, потянула на себя дверь и скрылась в прохладных недрах «Фотомата». Стеклопанельная дверь со щелчком закрылась, задев маленький колокольчик. Грейс поморщилась от резкого химического запаха — универсальный клей? Она вдруг подумала о возможных последствиях работы в подобных местах. Здесь и минуту-то провести противно.

Юнец, работавший за стойкой (слово «работавший» было бы здесь неслыханной щедростью, просто бессовестной роскошью), щеголял белым клочком пуха под подбородком, шеллюрой, выкрашенной в цвет, который посрамил бы и «Крайолу»¹, и таким обильным пирсингом, что с успехом мог заменить в оркестре ударные. В уши его были плотно воткнуты наушники-плаги с дужкой вокруг ушной раковины; толстый

¹ «Крайола» — бренд художественных изделий.

провод змеился по шее. Музыка была настолько громкой, что Грейс ощутила в груди ритмичную вибрацию. Парень был покрыт татуировками, и Грейс разглядела красную надпись «отпетый» и еще одну, тоже красную — «кайфолом». В середине очень просится «сачок», пришло на ум Грейс.

Парень не реагировал на посетительницу.

— Простите, пожалуйста! — громко сказала Грейс.

Никакой реакции.

— Эй, чувачелло!

Эта фраза привлекла внимание. Парень издал неопределенный звук, означавший «слышу», прищурился, разобиженный, что ему портят удовольствие, и неохотно вытащил наушники.

— Корешок.

— Что?

— Корешок.

Грейс протянула квитанцию, после чего Бородатый Пушок спросил ее имя. Грейс сразу вспомнила телефоны службы поддержки клиентов, где нужно вводить свой домашний номер, а едва дождешься ответа оператора, у тебя первым делом спрашивают домашний телефон — типа в первый раз была репетиция.

Бородатый Пушок — Грейс наградила продавца этим прозвищем не без злорадства — проворно перебрал конверты с фотографиями и выдернул один. Оторвав ярлычок, он назвал Грейс цену как за новый фотоаппарат. Она вручила юнцу купон, устроив в сумке раскопки, сравнимые с поиском свитков Мертвого моря, и подождала, пока причитающаяся с нее сумма уменьшится до разумных пределов.

Парень протянул ей пакет с фотографиями. Грейс поблагодарила, но он уже успел залить уши своей музыкой. Грейс помахала, привлекая его внимание.

— Эй, я пришла не только за снимками, но и за приятной беседой!

Бородатый Пушок зевнул и открыл журнал — «Современный сачок», свежий номер.

На улице Грейс обдало сильным порывом ветра. Словно осень холодным плечом отталкивала лето. Листья еще не на-

чали желтеть и краснеть, но в воздухе, можно сказать, уже носился аромат яблочного сидра, в витринах магазинов лежали празднично подсвеченные тыквы и прочие предвестники Хеллоуина. Третьеклассница Эмма выпросила у папы восьмифутовый надувной шар, изображавший Гомера Симпсона в костюме Франкенштейна. Шарик, признала в душе Грейс, был замечательный. Дети любят «Симпсонов». Наверное, несмотря ни на что, они с Джеком воспитывают их правильно.

Грейс не терпелось заглянуть в конверт. Получая проявленную пленку, она всегда ощущала жгучий интерес, как при распаковывании подарка, радостный душевный подъем вроде «ой, ну что же там, в почтовом ящике», пусть даже это опять лишь ворох счетов. Такого цифровые фотоаппараты при всех своих достоинствах дать не в силах. Но времени не оставалось — первоклассников уже отпустили.

Проезжая по Хайтс-роуд в своем «саабе», Грейс сделала маленький крюк, чтобы посмотреть на город. Контуры Манхэттена отсюда, особенно ночью, казались россыпью бриллиантов на черном бархате. В груди что-то сжалось — Грейс любила Нью-Йорк. Еще четыре года назад чудесный остров был ее домом — они жили в лофте на Чарльз-стрит в Виллидж. Джек работал в крупной фармацевтической компании в отделе медицинских исследований, Грейс рисовала в домашней студии, презрительно морща нос при виде жительниц пригородов с их внедорожниками, вельветовыми джинсами и раздражающей трескотней о «милых крошках». Теперь она стала одной из них.

Припарковавшись у школы рядом с другими мамашами, Грейс выключила зажигание, вынула из сумки конверт «Фотомата» и оторвала верхний клапан. Фоторепортаж с ежегодного сбора яблок в Честере, куда они ездили на прошлой неделе. Джек с нездоровым блеском в глазах щелкал все подряд — ему нравилось быть семейным фотографом. Он считал это частью родительских обязанностей, чуть ли не жертвой, которую отец семейства обязан приносить жене и чадам.

Первый снимок. Восемилетняя Эмма и шестилетний Макс на возу сена — плечи расправлены, щеки покраснелись от

ветра. Глядя на фотографию, Грейс почувствовала, как ее захлестнула волна любви, появившаяся откуда-то из глубин души. По спине пробежали мурашки. В этом суть материнства. Суть, явленная нам свыше через этих крошек. Грейс помнила, что в тот день обещали холод. В яблоневый сад всегда съезжается масса народу, и ехать ей совсем не хотелось. Теперь же, с умилением рассматривая снимки детей, она не могла не удивляться собственной глупости и нежеланию ехать.

Мамаши столпились у школьного забора, оживленно болтая и назначая встречи, кто к кому и когда придет играть. Яркая иллюстрация Америки в эру постфеминизма: лишь за двоими из восьмилеток пожаловали папаши. Одного Грейс знала — он уже больше года сидел без работы: потухший взгляд, медленная шаркающая походка, плохо выбритые щеки. Другой был журналистом-фрилансером, всегда как-то слишком охотно включавшимся в трескотню с молодыми родительницами. Видимо, холостяк или ему просто скучно.

В стекло постучали. Грейс подняла голову. Кора Линдли, ее лучшая подруга в Касслтоне, жестом показывала — открой, мол, замок. Грейс нажала кнопку, и через секунду Кора плюхнулась на пассажирское сиденье.

- Ну как провела вечер? — поинтересовалась Грейс.
- Паршиво.
- Жаль...
- Синдром пятого свидания.

Разведенная Кора казалась слишком сексуальной для обычно нервных и неприступных «женщин в поиске». В блузке с леопардовым рисунком и глубоким вырезом, обтягивающих брючках из спандекса и розовых лодочках, она резко выделялась на фоне широких брюк и бесформенных свитеров других мамаш. Они с подозрением пожирали ее глазами — женское население маленького пригорода порой ведет себя как старшеклассницы.

- Что за синдром?
- Ну, ты редко встречаешься, верно?
- Редко, — признала Грейс. — Наличие мужа и двоих детей сильно изменили мой некогда свободный образ жизни.

— И зря! Видишь ли — только не спрашивай почему, — на пятом свидании буквально все мужчины заводят разговор о... как бы это поприличнее выразиться... О *ménage à trois*¹!

— Да брось ты!

— Клянусь! На пятом свидании, самое позднее. Так, знаешь, чисто теоретически спрашивают, как я отношусь к *ménage à trois*, будто речь идет о мире на Ближнем Востоке.

— А ты?

— А я отвечаю, что просто обожаю эти «тройки» в постели. Особенно когда двое мужчин начинают целоваться взапас.

Смеясь, Грейс и Кора выбрались из машины — у Грейс заболела нога. Прошло больше десяти лет, но ее по-прежнему корбило, когда окружающие пялились на ее хромоту, поэтому она осталась у машины, проводив Кору взглядом. Прозвонил звонок, и дети радостно повывлетали из школьных дверей, как пушечное ядро. Разумеется, и таких мам большинство, Грейс высматривала только своего ребенка. Остальные, пусть это не покажется черствостью, интересовали ее не более, чем окружающий пейзаж.

Макс появился во второй волне великого исхода первоклашек. Шнурок развязан, школьный ранец выглядит отчего-то непомерно огромным, вязаная шапка с надписью «Нью-Йоркские рейнджеры» сдвинута на ухо этаким французским беретом. Ее вновь захлестнула горячая волна материнской нежности. Макс проскакал по ступенькам, поудобнее пристраивая на плечах ранец. Грейс улыбнулась. Макс заметил ее и тоже расплылся в улыбке.

Он забрался на заднее сиденье «сааба», Грейс пристегнула сына к детскому креслу и спросила, как прошел день. Макс ответил, что не знает. Грейс начала расспрашивать, что Макс делал сегодня в школе. Сын снова ответил, что не знает. Математику учили? А английский, естествознание? Как рисование, труд? В ответ мальчик пожимал плечами и бубнил свое «не знаю». Грейс кивнула: классический случай «болезни Альцгеймера в начальной школе». Не иначе детей принудили забыть все или вырвали клятву молчать. Одна из загадок жизни.

¹ Жизнь втроем (*фр.*).

Только доехав домой и вручив Максу его любимый «Гогурт» — тот же йогурт, только в тубике вроде зубной пасты, можно выдавливать прямо в рот, — Грейс смогла вернуться к фотографиям.

На автоответчике мигал индикатор. Одно сообщение. Проверив, кто звонил, Грейс обнаружила, что номер не определился. Она нажала кнопку и с удивлением услышала голос старого... друга — определение «знакомый» было бы слишком неуважительным. Впрочем, звонившего можно было смело назвать отцом родным, как ни странно это прозвучало бы.

— Здравствуй, Грейс. Это Карл Веспа.

Ему не было необходимости представляться. Прошло несколько лет, но Грейс сразу узнала этот голос.

— Перезвони мне, пожалуйста. Нужно поговорить.

Прозвучал сигнал отбоя. Грейс стояла неподвижно, ощущая под ложечкой знакомый холодок. Веспа. Звонил Карл Веспа. Это не к добру. Веспа, при всем его хорошем к ней отношении, никогда не беспокоил ее по пустякам. Грейс подумала, не позвонить ли ему прямо сейчас, но решила, что момент неподходящий.

Она ушла в комнату, служившую ей студией. Там никто не жил. В минуты вдохновения, когда Грейс бывала, что называется, в ударе, как любой художник или спортсмен, рука так и тянулась к холсту. Грейс смотрела на улицы, деревья, на людей, мысленно выбирая, какой кистью и каким мазком будет писать, какие цвета смешает и как положит светотень. Картины должны отражать мировоззрение художника, а не копировать реальность, считала Грейс. Все мы видим мир через собственную призму, а искусство в своих лучших проявлениях чуть-чуть меняет реальность, приоткрывая внутренний мир художника, то, что видел он, точнее, что он хотел показать другим. Искусство отнюдь не всегда приукрашивает действительность; живопись зачастую провокационнее, безобразнее, беспощаднее... и притягательнее. Грейс добивалась реакции. Можно залюбоваться прекрасным закатом, но Грейс хотела, чтобы зрители утопали в ее закате, забыв обо всем, страшась и смотреть, и отвести взгляд.

Не пожалев лишний доллар, Грейс заказала двойной комплект фотографий и сейчас извлекла из конверта толстую

стопку снимков. На первых двух Эмма и Макс на возу с сеном. Далее — Макс, потянувшийся к яркому яблоку. Дальше смазанный снимок крупной взрослой руки — это Джек навел на резкость. Грейс с улыбкой покачала головой — ах, этот ее большой растяпа. Снимки Грейс, Эммы, Макса, яблоки, дөрвья, корзины. Грейс была растрогана.

Родители Грейс умерли молодыми. Мать сбила машина на пешеходном переходе через Сорок шестое шоссе в Тотове. Грейс было тогда одиннадцать. Полицейские не пришли к ним домой, как показывают в фильмах; о трагедии сообщили по телефону. Грейс до сих пор помнит, как отец, в домашних синих брюках и сером пуловере, взял трубку и привычно протянул «алло» и как его лицо мгновенно побледнело, он вдруг рухнул на пол, и послышались сначала сдавленные, а затем беззвучные рыдания, словно ему не хватало воздуха выразить горе.

Отец вырастил Грейс один, но слабое сердце — в детстве он болел ревматизмом — отказало, когда Грейс училась на первом курсе. Родной дядя Грейс предложил племяннице перебраться к нему в Лос-Анджелес, но она была уже совершеннолетней и решила остаться на востоке страны и пробиваться самостоятельно.

Смерть родителей стала для нее огромным ударом, и с юности Грейс жила с ощущением какого-то бессознательного напряжения. Боль утраты постепенно смягчилась, но преждевременная и внезапная смерть двух близких людей заставила ее вспомнить о важности каждого мгновения жизни. Грейс хотелось как можно плотнее утоптать воспоминания, до краев заполнив себя реальностью, чтобы, как это ни странно покажется, дать собственным детям возможность получше запомнить мать, если ее вдруг тоже не станет.

Именно в этот момент, вспоминая родителей и радуясь, как повзрослели Эмма и Макс по сравнению с прошлым годом, Грейс наткнулась на незнакомую фотографию.

Вот новости, мелькнуло у нее в голове.

Фотография была в середине стопки, ближе к концу, того же размера, ровно уложенная к остальным, правда на ощупь потоньше. Дешевая, отчего-то подумала Грейс, похожа на цветную фотокопию, сделанную на простом принтере.

Посмотрев дальше, Грейс снова удивилась: дубликата не было. Фотография была в единственном экземпляре. Попала в пачку по ошибке, из чужих снимков?

Это была чужая фотография.

Конечно, случайность, ошибка. А еще профессионалы! Взять того же Бородатого Пушки — да он любое дело запрет, не то что в пачку чужой снимок сунуть.

Возможно, так и было.

В их снимки затесалась неизвестная фотография.

Но что, если...

Фотография выглядела старой — не черно-белой или старинной сепией, нет. Но цвета были блеклыми, словно выгоревшими, без той сочности, какую ожидаешь увидеть на фото в наши дни. А запечатленные на снимке люди... Одежда, прически, макияж давно вышли из моды — лет пятнадцать, а то и двадцать назад.

Грейс положила снимок на стол, чтобы получше рассмотреть.

Резкость была наведена не очень хорошо. На фотографии четверо — нет, вон еще кто-то в углу — пятеро, двое юношей и три девушки, лет двадцати. Студенты, отчего-то подумала Грейс.

Все были в джинсах и футболках, девушки — с длинными распущенными волосами. В них угадывалась подростковая задиристость, только-только проклюнувшаяся независимость. Судя по всему, фотограф щелкнул, когда они еще не подготовились — кто-то повернул голову, а у темноволосой девушки, почти срезанной кромкой снимка, в кадр попали только затылок и часть джинсовой куртки. Рядом с ней ярко-рыжая красotka с широко поставленными глазами. Ближе к середине какая-то блондинка... Господи, а это еще что такое? Лица не разобрать из-за большого косоного креста. Слово кто-то кого-то вычеркнул.

Да как этот снимок?..

Всмотревшись получше, Грейс начала задыхаться. Девушек она не знала. Юноши очень походили друг на друга — одинаковый рост, фигура, цвет волос, поза. Тот, что слева, был ей незнаком.

СОДЕРЖАНИЕ

ВСЕГО ОДИН ВЗГЛЯД. <i>Перевод О. Мышаковой</i>	5
НЕВИНОВНЫЙ. <i>Перевод Н. Рейн</i>	349